

*Александр
Асмолов*

поэтический сборник

БРОД

Александр Георгиевич Асмолов
Брод (сборник)
Серия «Лирические сборники
Александра Асмолова»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49419826
Брод / Асмолов А.Г.: Авторское; 2019
ISBN 978-5-0050-4847-9

Аннотация

Мне иногда кажется, что поэзия это – некая ниточка, связывающая реальный, мир, с миром, рожденным в душе автора. Различия меж этими мирами бывают существенны. Кому-то мир изящной словесности не интересен, но есть и те, кто не мыслит своей жизни без него. Все зависит от автора, сможет ли он соорудить мосток или хотя бы отыскать брод в ту удивительную страну, где слово звучит по-особому. В те счастливые моменты, когда строчки ложатся на бумагу, мне верится, что я нащупал такой брод в мир поэзии.

Содержание

Брод	7
Милее нет	8
Проводник	9
Прощание	10
Учительница первая моя	11
Позволь	12
Подружка с рыжею копной	13
Предраассветный час	14
На Пасху	15
Три дня	16
Лельник	17
Монах	18
Портрет короткими штрихами	19
Души моей обитель	20
Волшебница LG	21
Утренний анапест	22
Счастливчик	23
Капля времени	24
Исход	25
За тобой	26
Розовая львица	27
777	28
Фиолет	29

В преддверии весны	30
Воспоминанья прошлой жизни	31
Моя свеча	32
Грань	33
Второй	34
Дедова шубейка	36
Год парящего орла	37
Дуэт	38
Коляда	39
Карачун	40
За окном	41
Лилии	42
Шариков	43
Колдовские души	44
Межвременье	45
Былое	46
Ангел – хранитель	47
Из Лондона с любовью	48
Личное	49
Чистота	51
Осенний дождь	52
Сварожки	53
Хрустальный сюр	55
Одиночество	56
Храните в Русском мире свет	57
Старое Бабье лето	58

1914	59
Холодный романс	60
Показалось	61
Хранители	62
Апрельский лес	63
Подарок Живы	64
Дневник	66
Чёрный цвет	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Александр Асмолов

Брод (сборник)

Брод

Перед рассветом погружаюсь в тонкие миры,
Вдруг зацепив обрывки фраз и незнакомых судеб.
Тут напоказ и битвы, и норманнские пиры,
А встречи с некогда ушедшими меня не будят.

Чужих видений сумрак заполняет разум мой,
И чьи-то голоса влекут в непрожитые дали.
Пока не натолкнусь на взгляд со странною тоской,
И он поведает мне молча все свои печали.

Чуть рассветет. Баланс качнется и затопит брод,
На речке времени, что мир наш от иных скрывает.
Но бабка нашептала мне про этот переход,
Когда ей вышел срок переступить черту на крае.

Милее нет

Мы свиделись, когда почти забылось
Ушедшее тепло, тогда желанных встреч.
Она вернулась, словно бросив милость,
Влюбленному в виденье загорелых плеч.

Подумалось, что это ненадолго,
Но так хотелось погрузиться в миражи.
Наперекор всем злобным кривотолкам
Отдаться вновь объятьям нежной госпожи.

Забылись мы без всяких обещаний,
Лишь чья-то зависть долго шурилась вослед.
Ах, лето, все же я тебя прощаю,
И в сентябре тебя милей на свете нет.

Проводник

Как тень от брошенного слова,
Скользнула мысль о сути бытия.
Незримой тяжести окова
Души непознанная мной стезя.

Томит сознания признание
Никчемности блуждание во тьме.
Полночной мантры заклинание
Не мною сотворенное во мне.

Как проводник чужого слова,
На ощупь чьи-то мысли распознав,
В блаженстве растворяясь снова,
В лесу соседнем слышу шелест трав.

Прощание

Пахнет осенью в сонном пролеске,
Ждет покровы листва на траве,
И брусника сплела арабески,
Щеголяя в своем озорстве.

Тишиной укрываются клены,
Растеряв золотую парчу,
И багровые медальоны
На пригорке. Бери – не хочу.

Сколько щедрости на прощание,
Как дары, пред святым алтарем.
Знаешь, выюга проводит в изгнание
Заунывным своим тропарем.

Учительница первая моя

Августейший дар познания
На челе венцом печать.
В мирозданье созерцанья
Рождена повелевать.

Хетты, римляне и греки
Поклонялись божествам.
Льва не знавшие ацтеки
Золото тащила в храм.

Только умные детишки,
Позабыв свои дела,
С Вами изучают книжки
В мире таинства добра

Позволь

С букетом нежных алых роз
Крадусь в покои чаровницы,
Пересекая все границы,
В мир восхищения и грёз.

Туман укроет, как плащом,
И не заметит дерзость стража,
Поздравлю первым, то не кража,
С твоим рождением, славным днём.

О нем поэты на Востоке
Писали лепестками роз,
Витиевато, но всерьёз,
Вплетая твоё имя в строки.

Позволь невеже прикоснуться
Губами к нежности ланит,
Их близость так меня манит,
Позволь в объятьях нам проснуться.

Подружка с рыжею копной

Мы были с осенью подружки,
Два ярких рыжих светлячка.
То две болтушки-хохотушки,
То два промокших хомячка.

Нам листопад был краше моря,
Плескались, брызгая листвою.
С дождями, как с волною споря,
Неслись вдвоем по мостовой.

Мы в мыслях были неразлучны,
И в снегопад, и в летний зной.
Признаюсь, что была ты лучшей,
Подружка с рыжею копной.

Предрассветный час

Неупокоенные души
Туманом стелются к ногам.
Все умоляют, чтоб послушал,
Бубнят невнятно по слогам.

Зависший мытарь меж мирами,
Боец, не осознавший смерть.
Все, соблазнённые дарами,
На трон дерзнувшие посметь.

Для них душа моя порталом
В мир, где любовь и чистота,
Где я хмельной от счастья в малом,
Где нет ни злата, ни креста.

На Пасху

Он охладел к своей избраннице на Пасху,
Едва не предлагал ей поиграть в снежки.
Забыл, как страстно добивался её ласки,
А нынче позволял намёки и смешки.

Стал увиваться подле встречных незнакомок,
Дерзил, пытаясь подхватить под локоток.
Вдруг затихал, всем видом говоря, что робок,
И чуток. Если пошалил, то лишь чуток.

Потом, раскаявшись, пытался всё загладить,
Врал, что научится держать в руках свирель.
И соловьём свистать, моля лишь о пощаде...
Весна простила – что там, ветреный апрель.

Три дня

Страстной недели увертюра
Как реквием звучит в четверг.
И светлой грусти партитура
Струной натягивает нерв.

Проросших зёрен горький привкус
На тайной вечере ясней.
И я предательскому лику
Дорисовал черты мрачней.

Незримый образ Магдалины
Добавил в доме рыбака.
Взгляд обречённого мужчины,
Он знал о всём наверняка.

Лельник

Апрель однажды, аккурат на Лельник¹
Сосёнку стройную приметил у ручья.
И наблюдал за ней, укрывшись в ельник,
Когда узнал от ветра, что она ничья.

А та принарядилась, как на праздник,
В иголки прошлогоднюю листву вплела.
И бриз озёрный, ветреный проказник,
Обрывок ленточки обвил вокруг ствола.

Апрель задумал подшутить над девой,
Тумана напустить, снежком припорошить.
Уж больно независимой и смелой
Гордячка показалась в эдакой глуши.

Да только всё к лицу зеленоглазой,
Смеётся – ты меня невестой нарядил.
Ещё бы мне рубины и алмазы...
И он до блеска звёзды чистил, что есть сил.

¹ Лельник (22 апреля) считается чисто женским праздником. Приурочен богине Леле, которая являлась покровительницей девичьей любви

Монах

Строкою пуль побило штукатурку,
И у икон щербатых странный вид.
Монах, упрятав что-то под тужурку,
Средь позолоты на полу лежит.

Речей не слышно, и не курят ладан,
Щека прижалась к острому стеклу.
Спешил сберечь не клад и не награду,
Иконку не дал пришлым в кабалу.

Её сберёг, закрыв тщедушным телом,
За это душу светлую отдал.
Всю жизнь был молчаливым и несмелым,
О нём лишь кто-то скажет – наповал.

Портрет короткими штрихами

Буалетка под зонтом,
Локон у виска шутом,
Грусти лёгкий отпечаток,
Пара кружевных перчаток.

Променад на склоне дня,
Взгляд – холодная броня,
Но манящий блеск помады
Смелъчакам залог награды.

Томный вздох волнует грудь,
Там едва скрываая суть.
Нет милее знака тем,
Кто знаток сердечных тем.

Души моей обитель

Среди бесчисленных миров
Есть для меня неповторимый,
Он создан женщиной любимой,
Из красоты и света кров.

Уединенья душ обитель,
Незримый замок грёз и снов,
Под покрывалом нежных слов
Святой наивности хранитель.

Здесь я лишён мирских оков,
Здесь часть и целое едины,
Неисчерпаемы глубины,
И нити жизнь без узелков.

Волшебница LG

В далёкой сказочной стране
Жила волшебница Эл Джи.
На облаке, как на челне,
Любила по полям кружить.

Среди зелёных трав цветы
Она искала на заре,
И после яркие холсты
Рождались у неё в шатре.

Волшебной палочкой взмахнув,
Она творила чудеса.
Дарила вечную весну
Открыв на многое глаза.

Утренний анапест

На пенёке подле узкой тропинки
Под разлапистой кроной сосны
Заблестели две крупных росинки,
Отчеркнув свежесть утра и сны.

Лягушонку в зелёном халате
Приглянулись, как серьги в ушах.
У вороны, мечтавшей о злате,
Потемнело от блеска в глазах.

Боязливая ящерка с ветки
Заприметила к завтраку дар,
Но мышонок шустрее соседки,
Оба кубка махнул, как гусар.

Счастливчик

Он первым ринулся в объятия,
Пленившись дивной красотой.
Кричали что-то вслед собратья,
Но он родной покинул рой.

Зажмурившись от упоенья,
Вдруг охватившего его,
В предвосхищенье наслажденья
Он свято верил в волшебство.

Ворвавшись в облако блаженства,
Вдыхал, кружился и парил.
Став колокольчиком жужжащим,
Избранницу свою любил.

Капля времени

Капля времени тает незримо
На границе веков и миров.
Эта жертва едва ощутима
Средь потерянных двойников.

Канут в Лету чужие обиды,
Злая зависть и серая лень,
Но стоят, как в песках пирамиды,
Купола в золоченую звень.

Наши души хранят и поныне
Отголоски забытых молитв.
Хватит капли в безмолвии синем,
Разбудить наших предков мотив.

Исход

Растаял незаметно летний зной,
Но дождь ещё не застучал по лужам,
И листья вдоль унылой мостовой
Не гонит тот, чей голос так простужен.

Ещё рассвет не прячется в туман,
Ленивый полдень млеет на поляне.
И на растущий вдоль стогов бурьян
Рукой махнули местные селяне.

В преддверии ненастной череды
Так дремлет в предчувствии исхода,
Что зноя вездесущего черты
Хранят леса до будущего года.

За тобой

По вечерам встречались в кумитэ,
Глаза в глаза и белые одежды,
Ты поправляла пояс у невежды
И влажный локон точным нукитэ.

Кихон стучали пламенным фламенко
И ура-тоби, словно фуэте.
Я млел, услышав твой судзукитэ,
А после тихо отдыхал у стенки.

Сэнсэй смеялся – лучше в варьете,
Симпай на память подарил маваси.
А я влюбился ещё в третьем классе
И за тобой хоть в бой, хоть в каратэ.

Розовая львица

Розовая львица в нежности томится
В розовых одеждах и манящий взгляд.
Как ни восхититься, это просто жрица
Формы и намёки многих исцелят.

Шлейф благоухает и за ней стремиться,
Свита подбирает розовый наряд.
Надобно родиться эдакой царицей,
Вздохи у завистниц правду говорят.

Бал в дворце искрится, радостные лица,
Но рассвет кому-то принесёт закат.
Принц не удивится, что увяла львица,
И букет шикарный так небрежно смят.

Вам не найти в родном календаре
День Русской нации, как праздник.²
И флаги не украсят на заре
Фасады, словно из боязни.

И не напомнят вам о той войне,
Как одолела Русь ливонцев,
Захоронив всех рыцарей на дне
Под звон булата новгородцев.

Не скажет вам каналов трескотня,
Как славно бился Ярославич,
Но руса долг – жить, в памяти храня
Вороний камень нашей славы.

² 777 лет назад 5 апреля 1242 года русские дружины новгородцев, владимирцев, и суздальцев, под предводительством князя Александра Ярославича, разгромили рыцарей ливонского ордена. Отмечаем 5 апреля неофициальный праздник – День Русской нации.

Фиолет

Прежде мне казался милым
Глубины небесной цвет,
Но прохлада утомила,
Душу греет фиолет.

Он богат полутонами,
Искра каждая видна.
Вдоволь шёпота меж нами,
Просто – поздняя весна.

С ним легки прикосновенья
Всех оттенков прошлых лет,
Недомолвки и сомненья
Скроет мудрый фиолет.

В преддверии весны

Зимы в низине на мизинец,
В ручье – на донышке весны.
Туман в разорванной штанине
Вздремнул за кочкой у сосны.

В тиши безвременья иголки
На ёлках спрятали капель.
Без солнца блеклые осколки
Ждут повода нырнуть в купель.

Трухлявый пенёк средь мокрых листьев
Уныло смотрит свои сны.
Как он берёзкам по монисте
Дарил в преддверии весны.

Воспоминанья прошлой жизни

Вечор меня встревожил странный взгляд,
Скользнувший в душу на балу в Собранныи.
Я погрузилась в дьявольский обряд,
И свечи закружились в заклинаньи.

Лица не помню. Офицерский чин...
Как глянул, и душа моя заныла.
Ему я подчинилась без причин...
И сладкой показалась эта сила.

Вдруг вспыхнула ушедшая любовь...
Мажорной нотой реквием на тризне.
Они меня тревожат вновь и вновь...
Воспоминанья моей прошлой жизни.

Моя свеча

Моя свеча ещё не догорела,
Хотя, уже бывает, что коптит.
Сквозняк её тревожит то и дело,
И мрак ночной за штору не щит.

Мы с ней немало песен написали
Весёлых, грустных, нежных и смешных,
Манящих в Свет и неземные дали
На битву против пришлых и чужих.

Огонь свечи мне согревает душу,
Он как маяк зовёт издалека.
Среди миров родной кусочек суши,
Хранящий чистый свет из родника.

Грань

В сочельник давеча гадала,
Приблизив к зеркалу свечу,
Но слов заветных было мало,
Не слышал он, о чём шепчу.

Мелькали призрачные тени,
Мерещился желанный лик.
Мою мольбу о сладком плене
Никто за гранью не постиг.

К утру растаяли надежды,
Как воск оплавленной свечи.
Мы врозь. Меж нами грань, как прежде.
Ты, зеркало, о том молчи.

Второй

Когда снега закроют перевалы,
Устанут спорить выюга и метель,
Оближет солнце ледяные скалы,
Закат скользнёт в пушистую постель.

В ущелье затаится до вечерни,
Укрыв в снегу багряное крыло.
Вздремнёт, пока не явится соперник —
Рождённому Венерой повезло.

Восход главенствовал средь сводных братьев,
Всегда любимчиком у Света был.
И для отца он с лучезарной ратью
Из плена тьмы день новый приводил.

Закату только проводы вверяли.
Своим крылом полнеба окропив,
Он помогал уйти в иные дали
Всем дням, кто был покладист иль строптив...

Зевнув, Закат зарылся под перину
Воспоминаний летней синевы.
В мечтах сомненья робкие отринув,
Что он не мог быть первым для молвы.

Дедова шубейка

У предков были Карачун, да Холод,
Задира Зимник и родной Мороз.
Всяк делом занимался и был холост,
А с Марой не заигрывал всерьёз.

Все старцы были с белой бородою,
Любили белый снег и синий лёд.
Лишь на морозе нос краснел порою
Или когда метелица поёт.

Цвет крови в одеяньях не любили.
Небесно-голубой всегда пленил.
Да и Морозко в красный не рядили...
Храни традиции, славянофил.³

³ Славянофильство – литературно и религиозно-философское течение русской общественной и философской мысли, оформившееся в 40-х годах XIX века, ориентированное на выявление самобытности России, её типовых отличий от Запада

Год парящего орла

Орлы на небосклоне стали редки,
Но воспарит один в ночной тиши.
Он – символ завещаний наших предков,
Кон русской справедливости души.

Поверь, и ты увидишь на восходе,
Как он раскинет крылья в вышине.
Разбудит прежний дух в своём народе,
Живущем ныне, как в чужой в стране.

Волхвы нам предрекали ночь Сварога,
В славянских рунах мудрость запеклась.
Уж пришлое скребутся у порога,
Решив покняжить над Россией всласть.

Дуэт

Под Рождество занялся снегопад,
К полуночной дорожки к храму спрятал.
Мне показалось, был бродяга рад,
Крутиться подле дьякона с лопатой.

Тот что-то бормотал себе под нос,
А, может, распевал речитативом.
Иль вопрошал к Создателю всерьёз,
Чтоб сделал тот проказника учтивым.

Но снегопад не думал уступать,
Казалось, стал подначивать фальцетом.
Лишь ухмыльнулся дьякон – «Ах, ты ж, тать...»
И забасил «храни нас бог» дуэтом.

Коляда

За века до Вифлеема,
В студень месяц на Руси.
Без Адама и эдема,
Без иврита и фарси.

Коляда, Дажьбога отрок,
Хороводил Святки вкруг,
Чтобы солнце под присмотром
Колобродило на юг.⁴

И в Велесов день – сочельник,
Моро нам не страшен был,⁵
Вий – неистовый затейник,⁶
Веселиться разрешил.

⁴ Коло – старорусское, уменьшительно-ласкательное, обозначавшее солнца-младенца, которого захватила в плен злая ведьма Зима, обычно превращавшая его в волчонка по прозвищу лютый, т. е. февраль.

⁵ Моро – старорусское, смерть от него происходит слово мороз.

⁶ Вий – старорусское, выюга, засыпала снегом, чтобы все казалось мертвым.

Карачун

Сакральная седмица началась,
На Карачун солнцеворот приходит,⁷
И Коляда берёт над солнцем власть,
Хотя и позабыт в своем народе.

Великий пост очистит нашу плоть,
А душу – покаяние и щедрость.
Сварог подарит мудрости щепоть,
Чтоб бедность не считали за ущербность.

А в русской печке пахнет каравай,
Заполнив дом божественною силой.
Плесни по чаркам, свечи зажигай,
Ты Карачун обязан встретить с милой.

⁷ Карачун – зимнее солнцестояние, солнцеворот (коловорот), один из важнейших периодов года, когда грань между Явью и Навью очень тонка. Дата зимнего солнцестояния приходится в период с 19 по 25 декабря. В эти дни высота подъёма солнца на небосклоне является самой низкой. После Карачуна Солнце начинает свой северный путь роста. В это время Земля находится в наименьшем удалении от Солнца.

За окном

Мне припомнился нынче тот взгляд,
За окном, где стояли цветы.
На хозяйке был скромный наряд,
Кружевной с голубым чистоты.

За окном тихо время течёт,
Там душа обретает покой.
Словно ходиков слышу отчёт,
Округлённый стеклянной стеной.

За окном на столе стынет чай,
И во взгляде полощется синь.
Мне припомнился он невзначай,
Ты печаль моя давняя сгинь.

Лилии

Однажды бог послал свежайшего зефира,
И чашку крепкого цейлонского чайку.
Я ощутил себя халифом из Пальмиры
В беседке с Лилией, подобной мотыльку.

Она была робка, спокойна, молчалива...
Стеснялась, даже не смотрела мне в глаза.
Нельзя сказать, чтобы она была стыдлива,
Но взгляд с зефира не сводила стрекоза.

Вздохнув, я вазу пододвинул к ней поближе,
Ей глянулся кусочек в блюдце у меня.
Остолбенев, похолодел я до лодыжек,
Ужель не устою? Какая размазня!

Лукавая улыбка сердце поразила,
И замерло оно – похоже, уступлю.
Безжалостно все тридцать два она вонзила...
С тех пор зефир и лилий больше не люблю.

Шариков

Надев хозяйские очки,
Пёс понял – главное оправа.
На шею орден, бант, значки,
И можешь властвовать по праву.

Погромче лай на молодняк,
Молчи покорно пред бульдогом,
Кропай законы для дворняг,
Хотя и не владеешь слогом.

В очках почти английский дог,
В чужом дворе заслужишь будку.
Тебя не пустят на порог,
Но охранять доверят «утку».

Колдовские души

Обрывки неслышанных молитв
Листою опадают в полнолуние.
И чья-то боль потом ещё болит,
Забившись в уголки души колдуньи.

Наверно просьбы были тяжелы,
Коль не поднялись в светлые чертоги.
А может быть, корысти кандалы
Не спрятать под затейливые тоги.

Лукавство отвергают небеса,
Листою в полнолуние возвращают.
Колдуньи чуют эти словеса.
Как столько боли души их вмещают?

Межвременье

Багрянец осени сменился белым снегом.
Как след помады, он растекся по стеклу.
Бокал дождям ушедшим виделся ковчегом
Собой укрывших всех, скучавших по теплу.

Межвременье, как сон, с неясными чертами
О бабьем лете память всё ещё хранит.
Ранимой вазы горло сдавлено следами
Попыток удержать, что душу так теснит.

Черед зимы пришёл отныне светом править,
И знойный красный цвет покинет этот мир.
Не белым саваном, а чистотою прави
Снега укроют Русь от всяческих проныр.

Былое

Забытьём занесённые лица
В уголках молчаливой души,
С отболевшим годами хранится,
Как упавшие в подпол гроши.

Зазеркалье былых кривотолков
И засохшие в вазе цветы.
Вдруг сложились в витраж из осколков
Тишиной из чужой суеты.

Засверкали овальные грани,
Синевою наполнив рассвет.
Перечитанных воспоминаний
И родней, и дороже мне нет.

Ангел – хранитель

Наши ангелы это мы сами,
Только там – в параллельных мирах.
Мы общаемся странными снами
Или в таинствах и ворожбах.

Берегут наши души от гнева,
От обид и нечаянных слёз,
От коварных советчиков слева,
Глупость шепчущих часто всерьёз.

Ты на правом плече, мой хранитель,
Только образ земной твой иной.
Ты души моей грешной обитель,
И твой голос до боли родной.

Из Лондона с любовью

Живущим на два дома нелегко,
И там и тут своим казаться должен.
В душе родное спрятать далеко,
Уверовав, что путь такой возможен.

Чужим поклясться в верности своей,
Смотреть в глаза, чтоб сердце замирало.
Ничем не отличаться от гостей,
Спешить назавтра в суету вокзала.

Тепло одних, меняя на других,
Рубашку, словно кожу, ловко сбросив.
Врагами громко называть своих,
Наивно веря, что они не спросят.

Личное

Ошалев от русской крови,
Что дымится на полу,
Первый консул хмурит брови,
Разглядев меня в углу.

Стражник меч свой обнажает,
Тычет лезвием в лицо.
Сборщик податей кивает
На фамильное кольцо.

Ярость чиркнула огнивом,
Пальцы сжал в кулак с кольцом.
Дзуки справа был красивым,
Я когда-то был бойцом.

Воронье над отчим домом
Души предков вокруг со мной.
Время стать и мне фантомом.
Пусть. Приму последний бой.

Где-то в хрониках Акаши
Сохранят судьбу мою —
Был поэтом, став постарше,
Как солдат, погиб в бою.

Чистота

Однажды из лощины липких снов,
Влекомая предчувствием создания,
Явилась чистота изящных слов,
Готовая к лишениям и скитаньям.

Блуждая в душах ещё полных грёз,
Полузабытых в детстве обещаний,
Она сама поверила всерьёз,
В пророчество наивных заклинаний.

Что красота спасёт безумный мир,
Что справедливость в нём восторжествует.
Что глас её забытый, как клавир,
Звучанием безумных очарует.

Осенний дождь

Пустив всё золото по ветру,
Вдруг обнажилась перед ним.
Застыла. Только дрожь по веткам.
Туман прикрыл плащом своим.

Роса о прошлом прослезилась,
Душа растратила тепло,
Но гордость отвергает милость,
Простила всё, что обожгло.

Он был напорист майской ночью
В июле ласков, как дитя.
А, став грозой, рвал небо в клочья,
Дубы к ногам валил шутя.

Теперь, смущаясь, плешь скрывает,
Смыл краски мой индейский вождь.
В каком-то сером малахае
К берёзке льнёт осенний дождь.

Сварожки

На сварожью седмицу небесный кузнец⁸
Начал пробовать реки на прочность.
Своей силушкой духа хрустальный венец⁹
Он сковал окоёмом полночным.

В берега обереги надежно легли
Зимним скрепам метели помогут.
Холода – пограничники Русской земли
Для врагов перекроют дорогу.

На сварожки и Мара закроет Сваргу^{10, 11}
Зимний день Карачун укоротит.¹²
Будут спать все спокойно в любую пургу —

⁸ Сварожья седмица, сварожки, второе или Великое осеннее сварожье – череда святодней, посвященных Сварогу, Ковалю Небесному, Отцу Светлых Славянских Богов – Сварожичей. Празднуется 28 октября – 3 ноября.

⁹ Сварог пробует сковать реки льдом на зиму

¹⁰ Мара, Морёна Кашеевна, – славянская богиня плодородия и смерти, покровительница колдовства и справедливости.

¹¹ Сварга (Ирий) – небесное царство славянских богов (рай), куда отправлялись души умерших предков. Сварга закрывалась в сварожью седмицу

¹² Карачун – славянский бог Зимы, ипостась Чернобога или Мороза, повелителя подземного царства, морозов и тьмы

Мудрый Велес беду отворотит.¹³

¹³ Велес – славянский бог мудрости и магии, повелитель трех миров – Правь, Явь, Навь, дарующий богатство и благополучие.

Хрустальный сюр

Прикосновение души,
Переплетений полутени.
Успокоение в тиши
Предвосхищение влечений.

Хитросплетение времён,
Раскрепощение желаний.
Забытых в шелесте имён
Внезапно вспыхнувших признаний.

Одиночество

И ко мне вдруг нагрянула осень,
И туман от невзгод не укрыл.
У берёз золотистая проседь,
У меня тишина без перил.

И застыла в глазах безысходность,
На дорожку всё время смотрю.
Укоряя свою осторожность,
Не решившись идти к алтарю.

А, ведь, сватался терем дубовый,
Предлагал на пригорке стоять.
Обещал сладить домик садовый
И беседку узором убраться.

Не судьба. Век свой здесь доживаю,
С одиночеством свылась давно.
Жду и только в метель засыпаю,
Вдруг придёт кто, и станет тепло.

Храните в Русском мире свет

Сварог вдруг одарил нас старым бабьим летом,
Теплом отеческим укрыв Святую Русь.
Где вместо свадеб, что должны быть по заветам,
Листвой опавшей затаилась в душах грусть.

Он словно говорит нам – русы, оглянитесь,
Здесь ваши корни, и милее края нет.
Чума теньями длинными ползёт, очнитесь,
Ночь близится, храните в Русском мире свет.

Старое Бабье лето

На пригорке в октябрьский полдень
Пень кленовый дремал средь листвы.
Его сон был мечтами наполнен,
Кои были резвы и трезвы.

Клён забыл об утраченной кроне,
И что нынче все тени длинней.
Лишь пред той он склонялся в поклоне,
Что была всех светлей и милей.

Клён её укрывал до покрова,
Засыпая листвою своей.
И теперь ему виделось снова,
Как укутал её до корней.

Эти сны старый клён согревали,
Хоть с тех пор миновали года.
Бабье лето их старым назвали,
И теперь оно с ними всегда.

1914

Каталась с кавалерами в ландо,
Но шарф не развивался белым флагом.
И после тенниса бокал бордо
Лишь приучал ходить спокойным шагом.

Читала в парке странного Рэмбо,
Кленовый лист ложился на скамейку.
Порой он мне шептал, как полубог,
Слова в душе переплетая в змейку.

А листопад дворянское гнездо
Позолотил, но в нём мне одиноко.
Не греет соболиное манто,
И тает сердцу милое барокко.

Холодный романс

А за окном опять метель метёт,
И шаль мои не согревает плечи.
Холодное предчувствие, как лёд,
Он не придёт, и лживы его речи.

В камине распоясался огонь,
И отблески полощутся на стенах.
Меня своей тревогою не тронь,
Довольно обжигалась на изменах.

Огонь свечи ознобом у стекла,
Его в ночи, как мотылька, поманит.
И хоть метель дорожки замела,
Пусть он придет. Пусть он меня обманет.

Показалось

Казалось, уж похоронили
И Русь, и Род наш, и язык.
И к новому барью в России
Народ безропотный привык.

Процент командует Державой,
И на монете не орёл.
Чужак с банкующей оравой
Червонцы из казны увёл.

Казалось, русские мотивы
А «жили-были» не слышны.
Но павшие доселе живы,
И Полк прошёлся вдоль страны.

Орлам возвращены короны,
Но банк всё тот же на «орле».
Орлы с ним только компаньоны,
И рубль русский в кабале.

Хранители

Мы хранители памяти павших,
Лишь успевших пригубить любовь.
Вмиг ушедших и не осознавших,
Что вдохнуть не придётся им вновь.

Мы хранители чести и славы
Свои души спаливших в огне.
Не предавших, не сдавших заставы
В гимнастерках простых, не в броне.

Мы хранители духа России,
В каждом русском он неистребим.
День Победы над чёрной стихией
Мы навеки считает своим.

Апрельский лес

Апрельский лес, как современная Россия,
Порядка нет, но корни всё ещё сильны.
От шабаша у русских амнезия,
И лица пришлых на каналах всей страны.

В проталинках земля теплом согрета,
И робкие ростки упрямо смотрят ввысь.
Нам всем сейчас так не хватает света,
И многие страну почистить собрались.

Нас можно обмануть, но лишь однажды,
Долготерпение имеет свой предел.
Пусть честно для себя ответит каждый,
Мы – Русский мир иль чей-то воровской надел.

Подарок Живы

На полянке чернеют проталинки
Средь сугробов и лисьих следов.
Словно кто-то искал цветик аленький,
Да забыл узелки нужных слов.

Чужаку не откроется таинство,
Там подснежник шептался с луной.
Строго чтит он свои обязательства,
И росу соберёт под сосной.

Русский лес стережет наши капища,
И традиции свято хранит.
В книге Велеса не было кладбища,
Дух свободен, коль тело сгорит.¹⁴

На полянке подснежники нежатся,
Силу Ра собирая с росой.
Жива – жизни славян самодержица,¹⁵

¹⁴ Кремация – давняя традиция древних славян сжигать труп усопшего, связана с представлением о неистребимости жизненной силы и небесной обители бессмертных душ, куда они попадали с дымом погребальных костров. Над урнами с прахом простых смертных возводили сооружения в форме жилища, урны с прахом воинов хоронили в курганах.

¹⁵ Славянская богиня Жива – сестра Рода, мать Перуна. Олицетворяла плодородие, юность, весну, возрождение, воскрешение не только природы после

Ждет, коль в лес доберёшься босой.

зимы, но и тела человеческого, живота, как жизни. С ней связаны в русском языке: жизнь, жильё, живность, жито, житуха, заживляющие настои. Живе противостояла Мара-Смерть, связанная с противоположными понятиям: зимой, холодом, болезнями, нежитью, тьмой и злом.

Дневник

Тень времени скользнула в день вчерашний,
Пометив прошлым всё, что в нем сбылось.
Потом, купалась в мыслях бесшабашных,
Прикрыв собою ненависть и злость.

Блуждала по неведанным просторам
Фантазий растревоженной души.
Наощупь кралась по кошмарным норам
Надуманном отшельником в глуши.

Вуалью затуманила обиды,
Дремала в чьём-то детстве на лугу.
Слонялась по туннелям пирамиды
Влюблялась то в монарха, то в слугу...

Как безграничны устремленья наши,
Мечтами переполнен каждый миг.
Но берегут всё хроники Акаши,
Для каждого написанный дневник.

Чёрный цвет

Однажды Белая душа
Влюбилась в Чёрный-чёрный цвет
И стали эти кореша
Творить на пару с малых лет

Он формой элегантной был,
Она плескалась через край
Уверовав в свой крепкий тыл
Создала чёрно-белый рай.

Но как-то чёрное стекло
Лишь чёрный пропустило свет
Их время молча истекло
В Душе оставив яркий след.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.